

Корзун, М. С. Древнейшие и античные теории насилия и справедливости: поиски религиозного обоснования и выхода / М. С. Корзун // Лістападаўскія сустрэчы – 5. Праблемы старажытнасці і сярэднявечча: Зборнік артыкулаў па матэрыялах Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава (13–14 лістапада 2003 г., Мінск) / Навук. рэд. В. А. Фядосік і І. А. Еўтухоў. – Мн.: БДУ, 2005. – С. 34-44.

М. С. Корзун

ДРЕВНЕЙШИЕ И АНТИЧНЫЕ ТЕОРИИ НАСИЛИЯ И СПРАВЕДЛИВОСТИ: ПОИСКИ РЕЛИГИОЗНОГО ОБОСНОВАНИЯ И ВЫХОДА

В докладе предпринята попытка показать взаимодействие различных форм сознания с изменяющимися отношениями между людьми во всех сферах общественной жизни и отраженными этими формами сознания прежде всего «почитанием богов», «верой в богов» (религией) и светским правом. В концепции изображения общественных отношений Гомера А. А. Тахо-Годи заметила два направления. Первое — жестокое насилие, отраженное старым пластом мифа. Это побоище, умерщвление женихов, пастуха Меланфия и неверных служанок. Добавим соотносящийся с этой жестокостью организованный Одиссеем захват пленных в Египте, прославление пиратских походов и прочие подобные сюжеты. Апогеем всего является воспевание подвигов героев Троянской войны. С натуралистическим описанием убийств и предсмертных судорог. Как и битвы самих богов, подвиги Диомеда, Менелая, умерщвление Гектора, полны насилия и ужасов (голова защитника Трои Имбрия, уже убитого, была ссечена и брошена к ногам Гектора, как мечь за убийство последним Амфимаха). Второе направление представлено более поздними пластами мифа «Одиссеи». Жестокость уступает место интеллектуальному героизму под покровительством Афины: «Но когда говорить восставал Одиссей многоумный... Нет, не дерзнул бог, никто с Одиссеем стяжаться словами».

В исполнении социального аристократического заказа Гомером явственно выступает насилие царей и над собственным народом, который бросился к кораблям, чтобы отплыть от Трои домой, не подозревая, что Агамемнон только испытывает его словами по предварительному совету с царями. И этот совет Агамемнона возвестил обманчивый Сон, принесенный Зевсом в качестве вестника. Богини Гера и Афина вмешались. Афина подала совет Одиссею, «советаи, равного Зевсу», вернуть воинов на собрание. Одиссей реализовал этот совет, взяв скипетр у Агамемнона. Скипетр бог Гефест выковал Зевсу. Владельцем скипетра Агамемнон стал пятым по счету, получив его от Фиеста. Одиссей убеждал мужей и властелинов сладостными и кроткими речами, лишь напоминая, что Агамемнон может жестоко поступить с народом. Воинов из народа Одиссей поражал

скипетром, упрекая в бессилии, невоинственности и незначительности в советах. Терсита, известного по имени воина из народа, Одиссей избил и изгнал из собрания, подчеркнув: «Нет в многовластии блага, да будет единый властитель... которому Зевс прозорливый скипетр даровал и законы: да царствует он над другими». Такова суть красноречия и действий Одиссея по поддержке власти Агамемнона, который был царем

аргивян и «как бог почитался народом» (theos hos tieto demo). Таким же почитанием наделены Долопион, Фоас.

Божественное руководство в данном случае Зевс осуществил через вестника, не сам непосредственно, вестницей-олимпийкой была Ирида. Посейдон же сам принял голос Фоаса, который властвовал во всем Калидоне, «чтимый как бог от народа», побудил Девкалида стать с ним, Посейдоном, совокупно и сражаться против троянцев. Божественное руководство совершается разными способами, и духе общих законов поэтики, как отметил А. И. Зайцев, «для возвышения эпических героев, для создания пропасти между ними и простыми людьми»¹. Подчеркнем, однако, политическую тенденциозность Гомера. Простыми людьми были бедные, свободные, но не имеющие земельного надела. Возможно, отец служанки Пенелопы Меланфо, которого звали Дамионом, принадлежал к такого рода общинникам. Имя отца рабыни Евриклеи Певсенорид. Актор — отец приближенной рабыни Пенелопы. Дамион — раб Лаэрта, отца Одиссея, имел шесть сыновей. Эти рабы, известные по отцам — не военнопленные. Побитый женихом Антиномом Одиссей-нищий сказал: «Если же боги и мщенье Ириний живут и для бедных...». Здесь и констатация того, что речь идет об одних и тех же богах для богатых и бедных, и сомнения в том, что боги покровительствуют и бедным.

Это сомнение соотносится с положением, общепризнанным всеми, богатыми и бедными, почитающими богов, что и богатство, которым ранее владел Одиссей, домом, рабами, уничтожил Кронион и соответствии со своей святой волей. «Лишь боги даруют богатство». В соответствии с мифомышлением сам бог ветров Борей разгорался любовью к кобылицам Эрихфония, создавал богатство царя в виде трех тысяч коней. Эрихфоний — потомок Дардана, порожденного Зевсом. Зевс же избирает человеку «день рабства». Рабами владели только цари. Гектор, как и ахейский родовой воин Терсит,

---

¹ Зайцев А. И. Свобода воли и божественное руководство в гомеровском эпосе // ВДИ, 1987. № 3. С. 142.

раскрыл рационалистическую причину Троянской войны. Победив Патрокла, издеваясь над ним, он радовался, что не позволил захватить в плен жен троянских, избавил их от рабства и защитил их свободу. Ахиллес в диалоге с преследуемым Энеем гордился тем, что «ударив с Афиной и Зевсом», град Лирнесс рассыпал, «множество жен полонил и, лишив их жизни свободной, в рабство увлек». «Война печальная», поэтому «боги олимпийские размышляли, начать ли ее, но Зевс их возбуждал», а герои, вступающие в бой, оба достойны: Эней — «славный», Ахиллес — «благородный». Всеми противоположными, плохими качествами наделен рядовой противник войны Терсит. Зевсово предопределение соотносится с волей и действиями защитника. Патрокл получил первый удар мощной рукой от самого Аполлона, затем Эвфорб пикой пронзил тело Патрокла, а Гектор только добил противника. К тому же подобрался к нему, скрываясь в рядах воинов. Гектор «забыл» это сказать, ставя в заслугу обеспечение свободы троянских жен только себе. Рапсод подготовил слушателя к восприятию возмездия и для Гектора такой его не геройской победой, и прямым предсказанием умирающего Патрокла о близкой смерти, суровой участи от руки Ахиллеса.

Получившая в «почесть», «удел» (times) богов волну на морях некогда смертная Ино снабдила Одиссея чудесным покрывалом, видя, как он борется на своем примитивном плоту за выживание. Это то действие и соответствующая воля человека

для его осуществления, которые сохранятся в эллинском религиозном сознании и будут сформулированы Фемистоклом: «Если же их (людей. — М. К.) решения безрассудны, то и божество обыкновенно не помогает человеческим начинаниям» (Геродот. История. VIII. 60).

Афина предотвратила войну народа Итаки против своего царя Одиссея. Большая половина собрания желала наказать Одиссея за убийство женихов, «губивших дом Одиссея», чтобы избавиться от стыда, не оставить потомству «поносную память». Такова мораль родовой кровной мести. Медонт, представитель другой части собрания, сам видел «бессмертного бога» в доме Одиссея, принявшего «Менторов образ». Значит, убийство женихов совершено «не против воли Зевсовой». Грабеж эллинов-троянцев, почитающих олимпийских богов, — справедлив по воле богов. Грабеж одиссеева дома — несправедлив. Афина, сходная с Ментором, убедила немощного Лаэрта, «в помощь призвавши Зевса отца и Афины Палладу» бросить копье наудачу, которое направила в голову Евпейта. Одиссей

благородный радостно покорился богине, итакийский народ утрашился, а богиня «меж царем и народом союз укрепила».

Переворот религиозно-социального мышления в греческом обществе отразил и сформировал Гесиод в поэмах *Erga* («Труды») и *Theogonia* («Происхождение богов», буквально — «Богорождение»). Гесиод объединил возможности устного народного творчества и письменности. Еще более результативным было объединение опыта земледельца нового поколения, поэта и теолога, в одной творческой личности, в высшей степени одаренной. Самое главное в этом объединении — отношение к труду всех трех направлений. В обеих поэмах это отношение олицетворено в образе пчел хлопотливых, противостоящих трутням. Нас интересует сходство мыслей о значении труда в «Трудах», несомненно возникших под влиянием земледельческого, ремесленного и торгового опыта, и «Теогонии», объясняющей божественное руководство и вмешательство Зевса и богов и дола людей. «Скрыли великие боги от смертных источники пищи». Чуть ниже Гесиод пишет, что «Громовержец источники пищи запрятал» «в гневе на то, что Зевса обманул Прометей хитроумный». Прометей украл огонь у Зевса для людей, за что Зевс поразил «людей заботой» о пропитании, созданием Пандоры — прекрасного зла вместо блага.

Гесиод последователен. Боги посылают и благо, и зло. Ниже он и пишет о богах «всяких подателей благ». Боги-Титаны и боги, рожденные Реей, 10 лет (срок Троянской войны) вели междоусобные войны. Прометей Зевс наказал за обман — разделение быка на неравные части. Прометей обманул Зевса, как и Перс обманул своего брата Гесиода, отхватив с помощью разбойной речи, восхвалением царей, часть земли и от наследственной половины брата. Наконец, боги и Зевс уничтожали каждое поколение людей, создавая совершенно новое, так что наказание Прометея за снабжение огнем людей подтверждает уничтожение поколения людей за совершение ими тех или иных неугодных богам и Зевсу проступков.

А. И. Зайцев заметил отсутствие точки отсчета в процессе разрушения традиционных норм жизни и идеологии у греческих племен. Представляется более важным взаимодействие традиционного с новым вопреки стремлению носителей старого не допустить нового, а носителем нового разрушить старое.

Гесиод, вероятно, первым в письменной истории определил роль орудия труда, назвав людей своего времени железными, поколением V века. Железное орудие труда, плуг, однако, не мог появиться

без своих предшественников — мотыги и сохи, как телеги без колеса. И те, и другие существовали задолго до Гесиода.

Но Гесиод записал, как их надо сделать. Благодаря железным орудиям труда произошла техническая революция. Она выдвинула семью и индивидуум на передний край в производстве, учителем которого является сам Гесиод. «Трудись, Перс, Зевсов потомок» (ergadzey, Perse dion genos), — обращается Гесиод к своему брату. «Чтобы Деметра в прекрасном венке неизменно любила и наполняла амбары тебе всевозможным припасом... труд человеку стада добывает и всякий достаток... Если трудиться ты любишь (soi d'erga fil'), то будешь гораздо милее вечным богам, как и людям» (ergad zomenos poly filteros). Трудолюбивым противопоставлены бездеятельные, ленивые. Гимн труду воспевается в непосредственном сочетании с почитанием богов в Erga и их покровительством трудящемуся.

Все герои Троянской войны имели божественное руководство и покровительство и в подвиге и в смерти, почитая их. Сохранив это почитание богов и их покровительство труду и трудящемуся, богатству как результату труда, Гесиод изменил объект настолько, насколько военный грабеж противоположен богатству, нажитому своим трудом.

Отношения между людьми железного века изменились. Гесиод, общинник-земледелец, не только аристократ, получил самую эффективную рабочую силу как собственность: gynaika («женщину» покорную), dmoios («рабского» мальчика-невольника). В его хозяйстве работают свободные: aidzeos («крепкий» — работник), theta d' aoikon («фет бездомный»), ateknon erithon («бездетная баба»). Таким образом, на одного хозяина работают два раба и три свободных, но бездетных и ленивых. Брату Персу, кроме ревностного труда, Гесиод предписывает совершать возлияние и куренье богам, чтобы они относились к нему благосклонно, чтобы Перс покупал клер, а не другой у Перса. Это еще одна составляющая изменившихся отношений — покупка клера.

Отгалкиваясь от основной оппозиции деления существ Гомером «бессмертные — смертные», когда творцами всего являются боги, разделяющие на отцов и детей, хотя и не задумавшись о неразрешимой несовместимости между бессмертием и рождением, воспользовавшись ведущим представлением о течении времени — «что минуло, что есть и что будет», то есть даром предвидения, который получил Колхас Фесторид от бога Феба (Аполлона), — Гесиод пошел дальше в истолковании равенства всех людей перед богом и

судьбой, в виде их смертности. Все люди в отличие от богов смертны. При этом он не отнял у героев их заслуг перед богами, наоборот, боги наказывали людей за непочитание людьми небожителей олимпийского пантеона. Гесиод рационалистически объяснил «богорождение», одновременно отняв у царей и аристократов привилегии толковать жизнь олимпийцев и их вмешательство в дела людей, божественное руководство людьми.

Почитание богов, распространенное Гомером, — общепринятая норма поведения людей, независимая от их социального статуса. Только забота богов об Одиссее и Терсите, рядовом воине, абсолютно разная. Толкование божественного покровительства находилось в руках царей, аристократии и их певца Гомера. Согласно

Гомеру, все герои рождены богами или богинями от бракосочетаний с царицами или с царями. В этом религиозно-социальный смысл гомеровской генеалогии людей-героев. Важнейшим моментом гесиодовской характеристики пяти поколений является полное отсутствие сходства между людьми предыдущего и последующего родов. («пи были «непохожими» (*ouden homoion*) ни обличьем, ни разумом. Различие дополняется и тем, что каждое поколение не просто уничтожено, но преобразовано, и ничем не проявляет себя как люди последующего, в том числе и особенно как люди железного века. Земля покрывает в своих недрах каждое поколение, как утверждается в *Erga*. В «Происхождении богов» Земля вместе с ураном, Небом, — начало начал, вышедших из Хаоса. Что породило людей через Зевса, то и принимает их в свои недра.

Все поколения людей преобразовались: «золотое — в демонов» (*daimones*), «серебряное» — в подземных смертных блаженных (*hyponthoniōi makares thnetois*), «героев божественный род» — в насельников «божественных островов», на которые принес их Крон в жилища, отдельно от смертных. Значит, с людьми, они и не общаются. Никто из людей не является предком последующего поколения. Боги или один Зевс всякий раз создают новое поколение людей. Показательно, что и люди во взаимоотношениях с богами играют свою роль. Именно они называли покрытых землею героев Блаженными. И в этом проявляется рационализм Гесиода.

И Гесиод признает, что цари — зевсовы потомки, но не они только, как в гомеровском изображении, а как и все другие, как земледelec, брат Гесиода Перс. Знатность царя покоилась на общинной собственности. Одиссей, имеющий 72 стада крупного и мелкого скота и свиней, пасомых рабами, руководимыми Евмеем — рабом на общинных землях согласно устному праву. Происхождение

от богов — способ по принадлежности к роду богов обосновать знатность для пользования юридически общинной землей, на деле обнесенной изгородью и рвом. «Перс — Зевсов потомок» — это принципиально изменяет генеалогию общинников. Гесиод разрушил генеалогию царей и аристократии, приравняв генеалогии общинников к аристократической, установив таким образом генеалогическое равноправие. Это предопределило новое толкование богорождения, функции богов.

Самое главное обвинение против царей — несправедливый суд с помощью красноречия, но разбойного, над общинниками. Гесиод в целом трактует войну по-своему. Свирепые, подобно красивой, но злой Пандоре, войны и злую вражду вызывает «тяжелая» Эрида. Люди ее не любят и чтут «по воле бессмертных» (*hur anankes athanaton boylesin*). «Полезная» Эрида рождена Ночью, а сделал ее таковой Зевс, «в Эфире живущей». Она побуждает к труду даже ленивого. Труд олицетворен в образе «полезной» Эриды. Трудящийся любезен богам и людям. Он противопоставлен бездельнику, труд — войне. Лейтмотив обеих поэм — образ пчел хлопотливых и их антипода бездельников-трутней. Отношение к труду предопределило отрицание войны Гесиодом. Лучше добром владеть благодатным, нажитым трудом, чем захваченным силой или разбойным языком (*apoglosses leissetai*). Содержание интеллектуального героизма Одиссея, неправедных речей судей приобретает противоположный смысл в оценках речей Гесиодом. Того, кто нажил достояние насилием, войной, разбойным языком, боги подавят (*theoi mauroysi*), разрушат его дом (*minythisi de oikon*). Какое еще наказание для хозяина может быть более страшным? Остается только смерть. Если в «Трудах» Гесиод писал, что не желает жить с железными людьми, поскольку люди будут враждовать между собой так, что правду заменит кулак, города подпадут разорению, дети станут рождаться седыми (сравни с новозаветным Апокалипсисом), то

в «Теогонии» изображена положительная перспектива. Зевс организовал и возглавил войну богов против Крона-отца, абсолютного носителя насилия и жестокости, ибо он пожирал даже собственных детей ради сохранения власти. Затем Зевс все хорошо поделил поровну между бессмертными, каждому «назначил удел» (*epefrade timas*). Эту мысль Гесиод повторил в конце «Теогонии». Зевс, однако, возглавил войну не для того, чтобы захватить власть. Боги, повинувшись совету Земли (Земля играет роль ненасилия), побудили, уговорили Зевса царствовать и «управлять» (*anassein*) богами — букв. синоним *athanaton* — «бессмертными». Гесиод проповедует такое почитание богов, по

которому верят, что сами бессмертные повсюду пребывают среди людей. Кроме самих богов, Зевс послал три мириады стражей для охраны людей (*fylakes thneton antropon*). Золотое поколение превращено в демонов, которым достался царский удел смотреть на правые и неправые дела, быть подателями богатства (*ploytodatai*). Вот в чем состоит роль царей, а не в насилии над общинниками-соловьями. Люди должны забыть о насилье (*epiletheo rampan*). Правду заменил кулак и в жизни самого Гесиода. Сохранилось только скупое сообщение Фукидида, что во время Пелопоннесской войны афинский стратег Демосфен с войском ночевал «в святыне Зевса Немейского, где, по преданию, поэт Гесиод был убит местными жителями, согласно предсказанию оракула, что он погибнет в Немее». Причины можно только предполагать.

Зевс уничтожает поколения людей и создает новые. По логике такого действия он наслал на людей Пандору — «прекрасное зло вместо блага», от которой «на земле происходит женщин губительный род» для мужчин — «в бедности горькой не спутницы, — спутницы только в богатстве». Это полное совпадение с объяснением причин, раскрытых в *Erga*, почему Гесиод не хочет жить с поколением железных людей. Богатство, бедность, пчелы хлопотливые, в данном сравнении, — мужчины, трутнями изображены женщины, «причастницы дел нехороших». Одна аналогия с мыслью в *Erga* и здесь налицо: как в железном веке к бедам будут примешаны и блага, так и в роли женщины в жизни мужчин в старости за неженатым нет ухода, а наследство богатого холостяка получит родственник дальний. Чтобы Гесиод не изображал, обойти оппозицию «богатство-бедность» не может. Таково начало становления полиса в железный век. Сам хозяин, не покладая рук, три свободных и два раба работают на Гесиода.

После победы над титанами, избрания Зевса богами по совету Земли быть царем и владыкой над богами первой супругой Зевса стала Метида — премудрость. «Больше всего она знает между людьми и богами». Чтобы царская власть не досталась сыну по уговорам Земли и Неба — Урана, Зевс проглотил Метиду, должентвующую родить Афину, отправил Метиду себе в чрево, «дабы ему сообщала она, что зло и что благо». Более мудрого, чем Зевс, не может быть. И сам Зевс родил «из главы неодолимую деву» Афину Тритогенею. В гневе на Зевса, не познавши любовных объятий, шестая жена Зевса Гера родила Гефеста. Оба чудным образом зачали. Гесиод отталкивается от первобытного мифа, рационализирует

его и снова к нему возвращается. Избрание Зевса богами быть отцом бессмертных и смертных — отражение развития полисной демократии архаического периода. Это и служит точкой отсчета не только новой генеалогии людской, но и божеской. Гесиод

ввел Диониса, бога земледельцев в олимпийский пантеон, присвоив ему рождение Зевсом от смертной Семелы, и оба стали богами.

Изменения общественных отношений при Гесиоде привело и к персонификации Мойры, судьбы, которая, как всяческая безличная суеверная сила стояла над богами у Гомера. Но функции безличных мойр, Ананке и Тюхе у Гомера, были сходными, как у Зевса и Геры, настоявшей на совете богов развязать Троянскую войну. Гера потребовала от Зевса уступки, ссылаясь на то, что и она дочь Крона, сестра и супруга Зевса. Гесиод ввел распределительницу жребиев богиню Лахесис. А. А. Тахо-Годи определила соотношение персонифицированной силы Мойры (часть, доля) и силы Зевса. По первому варианту боги выполняют веления судьбы, по второму — воля судьбы сливается с решением богов, и Зевс становится Морием. Мудрость Матери-Земли, не входившей в олимпийский пантеон, также востребована и при Солоне.

Произойдет реализация идеи Гесиода о демократическом избрании власти, отраженной им в «Теогонии» об изображении богами Зевса отцом бессмертных и смертных, в праве по реформам Солона, которое взяла в свои руки экклесия, обращение Солона к Матери черной Земле с молитвой о помощи и освобожденной от порабощения, сисахтия, появится новый «знаток науки о богах», Эпименид, подобный Гесиоду. Он утвердит общение гражданина с богами с помощью «вдохновения и таинств». Тирания Писистрата, возникающая легитимно, станет насильственным единовластием и будет свергнута силой, и тогда после всего этого Эсхил создает новую версию страдания Прометей за людей, протестуя против намерения Зевса уничтожить людской род. Прометей принес людям не только огонь, но побудил их к разумной и сознательной жизни, опровергая теорию Гесиода об ухудшении качества людей, ибо Прометей научил их всем сторонам культурной жизни, эсхилевский Прометей — борец против тирании богов, а не обманщик Зевса, как в гесиодовской версии. Он заявил: «По правде всех богов я ненавижу». Вместе с тем Эсхил покажет утвердившееся в народе новое понятие — *pistis theon* (вера в богов). По верному заключению в «Антигоне» Софокла божественная справедливость торжествует, но без прямого божественного вмешательства в дела людей. Она абстрактна как

и «вера в богов», хотя и «почитание богов» продолжает функционировать в общественных мероприятиях. Софокловские герои — носители сильных человеческих характеров и личных качеств.

В демократических Афинах в условиях консолидации социально-классовых сил по шкале Солона допустимо было Софоклу сказать о ненависти к богам и не поплатиться так, как Сократ, попытавшийся в условиях глобального кризиса афинского полиса ввести личного демония, новое божество, как Диониса ввел в пантеон Гесиод, а тиран Писистрат ввел общеполитские Великие и Малые Дионисии. Отрицающие богов, как Протагор или Диагор Мелосский, преследовались.

К этому же надо добавить осознание афинскими просвещенными гражданами, как Сократ, который перевел религию в область нравственности, разницы между религией и литературным творчеством.

О. М. Фрейденберг подчеркнула различие между мифологией, которая выражает познание, но не настаивает на достоверности того, что познает, и религией, то есть и религиозной мифологией, которая настаивает на достоверности своего миропознания.

Господство силы, побеждавшей право, правду, справедливость, намеченное Гесиодом в начале становления полисов, в конце их расцвета, завершившегося наступающим кризисом, который привел к межполисной Пелопоннесской войне, еще

более усилившей этот кризис, привело Фукидида к выводу: «Повсюду, где люди имеют силу, они властвуют по непрерываемому велению природы. Не мы установили этот закон... Мы получаем готовым и сохраним и в будущее время, так как он будет существовать вечно» (История. V, 105). Радикальный демократ Клеон открыто назвал власть афинян над некогда равноправными в войне против персов союзниками тиранией и оправдывал ее. А спартанцы и эти афинские союзники на деле видели, что афиняне господствуют над союзниками так, чтобы поработить их (doylosasthai).

Аристотель отказался от формулы Гомера о том, что Зевс ввергает человека «в день рабства». Аристотель теоретически осмыслил отношения между людьми и обосновал теорию насилия, войну греков против варваров, как охоту на зверей, чтобы сделать их рабами греков, ибо они по природе рабы и предназначены ею быть рабами именно греков (Аристотель. Политика, 1256 а). Из-за недостатка места для детальной характеристики взаимодействия религиозной теории рабства по предназначению Зевса, материалистической теории рабства, по природе Аристотеля укажем только

общую основу этого взаимодействия — возникновение рабства по причине участия людей в труде, специализацию которого, необходимость исполнения рабами роли ткацкого челнока, как и разделение труда, раскрыл Аристотель.

Аристотель допускает правоту и тех, которые возражают против рабства по закону, на войне: «Было бы ужасно, если бы обладающий большой физической силой человек только потому, что он способен к насилию, смотрел на захваченного путем насилия как на раба и подвластного себе» (Политика, 1255 а). Аристотель распространяет это исключительно на варваров. Почему-то Аристотель не ссылается на Фукидида, который сообщает, что во время Пелопоннесской войны афиняне превратили в рабов греков нейтрального острова Мелоса, а Спарта мужчин союзных Афинам Платей просто перебила, сохранив форму суда, а женщин и детей превратила в рабов. Иного человека в русле суждений Аристотеля представлял Одиссей, который обладал и интеллектуальными, и физическими силами при неусыпной помощи, покровительстве и руководстве Афины.

Аристотель обосновал применение силы в грандиозной войне, которой тогдашний мир еще не знал, учеником философа Александром против так называемых варваров-персов. Александру пришлось реанимировать те мифолого-религиозные представления, от которых греки демократических и олигархических полисов отказались. Он воспользовался воспетыми Гомером религиозными представлениями. Курций Руф сообщает соответствующие формулировки: «Александр происходит от бога и сын бога»; «О, если бы инды признали меня богом!» Заговорщик Гермолай заявил Александру: «А если бы кто из богов был выше Юпитера, ты пренебрег бы и Юпитером». Сарказмом ответили на такое желание Александра спартанцы: «Если Александру угодно быть богом, пусть будет».

В итоге следует отметить изменение религиозных представлений в отношениях между людьми, охарактеризованных Гомером, Гесиодом, отраженных в солоновом праве, в литературе.

Насилие обосновывалось с помощью почитания богов, их божественного руководства людьми как Гомером, так и Писистратом. Первым поиском выхода Зевсовой справедливости с помощью создания достатка трудом, а не силой, войной и разбойными речами, были идеи Гесиода. Солон реализовал идеи справедливости в праве афинских граждан, которое охватывало все стороны общественной жизни и основывалось на консолидации социально-политических сил полиса.

